

ЛОПАШЕНКО Наталья Александровна
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия;
e-mail: lopashenko@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-9175-8877>

LOPASHENKO Natalya Alexandrovna
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

КОМИССАРОВ: О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В НАУКЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ЗАДАЧАХ ДОКТРИНЫ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ¹

COMMISSAROV: ON THE ROLE OF THE PERSONALITY IN THE SCIENCE OF CRIMINAL LAW AND THE TASKS OF THE DOCTRINE AT THE PRESENT TIME

А не надо никаких точек зрения ...
просто он существовал, и больше ничего.
М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Аннотация. Семидесятилетие несомненного лидера в организации наук уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Владимира Сергеевича Комиссарова, прожившего яркую жизнь и много сделавшего для доктрины, – прекрасный повод вспомнить об этом незаурядном человеке и порассуждать о роли личности в науке, акцентируя внимание на обязательных составляющих личности лидера и на задачах доктрины в настоящее время. В уголовно-правовой науке тема личности ученого практически не исследовалась, а проблема главных задач доктрины является сверхактуальной, с учетом меняющихся общественно-политических реалий. Цель: на примере конкретной личности – профессора В.С. Комиссарова – проверить путем социологического исследования высококвалифицированной профессиональной аудитории, играет ли личность ученого роль в организации науки и в развитии самой доктрины, выявить, какими качествами должен обладать лидер в науке, а также определить, какие задачи стоят сегодня перед наукой уголовного права и криминологии. Методы: диалектический, социологический (анкетирование), анализа, синтеза. Результаты: исследование продемонстрировало, что лидерство в науке, в том числе в науке уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, крайне

Abstract. The seventieth anniversary of the undoubted leader in the organization of the sciences of criminal law, penal law and criminology, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Lomonosov Moscow State University, Vladimir Sergeevich Komissarov, who lived a bright life and did a lot for the doctrine, is a good opportunity to remember this outstanding man and to discuss the role of personality in science, focusing on the mandatory components of the leader's personality and on the tasks of the doctrine at the present time. In the criminal law science, the topic of the scientist's personality has not been practically studied, and the problem of the main tasks of the doctrine is highly relevant, taking into account the changing socio-political realities. Purpose: on the example of Professor V.S. Commissarov, to verify by sociological research of a highly qualified professional audience, whether the scientist's personality plays a role in the organization of science and in the development of the doctrine itself, to find out what qualities a leader in science should possess, as well as to determine what challenges the science of criminal law and criminology face today. Methods: dialectical, sociological (survey), analysis, synthesis. Results: the study demonstrates that leadership in science, including in criminal law, penal law and criminology, is essential for its effective functioning. The departure of the organizing

© Лопашенко Н.А., 2023

¹ В основе настоящей статьи – мое выступление на Международной конференции «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», посвященной 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова, организаторами которой выступили кафедра уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и юридический факультет Кыргызско-Российского Славянского университета им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина. Конференция проводилась в смешанном формате 28–29 марта 2023 г. в Бишкеке.

важно для ее эффективного функционирования. Уход организующей личности или отход лидера от функций организатора науки сказываются на развитии научных коммуникаций самым негативным образом. Основу личности в науке вообще и в организации науки в частности, в том числе в науках криминального цикла, составляет совокупность качеств, включающих профессиональные, коммуникативные и личные качества. Роль личности ученого наиболее значимо выражается в организации и налаживании научных коммуникаций, научном воспитании учеников и последователей, формировании доктринального знания. Она же во многом определяет те главные задачи, которые стоят перед наукой.

Ключевые слова: личность в науке, уголовное право, криминология, качества личности, организация науки, влияние лидера науки на доктрину, стоящие перед наукой задачи

Для цитирования: Лопашенко Н.А. Комиссаров: о роли личности в науке уголовного права и задачах доктрины в настоящее время / Н.А. Лопашенко. – DOI 10.33184/pravgos-2023.3.3 // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 22–39

personality or the leader's departure from the functions of the organizer of science affects the development of scientific communications in the most negative way. The basis of personality in science in general and in the organization of science in particular, including in the sciences of the criminal cycle, is a set of qualities, including professional, communicative and personal qualities. The role of the scientist's personality is most significant in the organization and development of scientific communications, scientific education of pupils and followers, formation of doctrinal knowledge. In many ways, it determines the major challenges facing science.

Keywords: *personality in science, criminal law, criminology, personal qualities, organization of science, influence of science leader on the doctrine, challenges facing science*

For citation: Lopashenko N.A. Commissarov: on the role of the personality in the science of criminal law and the tasks of the doctrine at the present time. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 22–39 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2023.3.3.

О НАЗВАНИИ, ЦЕЛЯХ И ОТДЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРАХ АНКЕТИРОВАНИЯ, ПОЛОЖЕННОГО В ОСНОВУ НАСТОЯЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В уголовно-правовой доктрине практически отсутствуют исследования о роли личности в истории науки, да и в теории других правовых и иных доктрин их можно пересчитать по пальцам. В частности, мне встретилось убедительное исследование доктора юридических наук, профессора И.В. Ершовой, посвященное заведующим кафедрами. Она пишет: «...каким образом приобретается неформальный авторитет в высшей школе? В первую очередь профессиональная общественность знает специалиста по его научным работам – диссертациям, монографиям, научным статьям, а также выступлениям на научных мероприятиях. И если первое знакомство, как правило, происходит на защите кандидатской диссертации, то последующее мнение формируется годами. Ученые определенного профиля прекрасно осведомлены не только о научной деятельности своих коллег – в традициях университетской науки личное общение, не регламентированное правовыми актами и не ограничивающееся рабочим временем. Полагаем, что высокая квалификация и авторитет в профессиональном сообществе – необходимые условия занятия должности заведующего

кафедрой. Но указанными «стартовыми» критериями все не заканчивается» [1, с. 182].

Думая о названии своего выступления, специально не стала указывать инициалы Владимира Сергеевича: его фамилия у всех ученых, живших с ним в одно время, знавших его или о нем, олицетворялась и до сих пор олицетворяется именно с ним, уточнения не нужны. Указанием одной только фамилии – Комиссаров – хотела подчеркнуть невольный, но говорящий символизм: Владимир Сергеевич и был для нас комиссаром – лицом, наделенным научным сообществом особыми полномочиями, ведущим его за собой. Фамилия, как и внешность В.С. Комиссарова (в анкетах писали: «...помню очень высокий рост и мощный тембр голоса. Когда Владимир Сергеевич оказывался в помещении, то оно визуально выглядело недостаточно большим для него» – доцент О.Н. Агеева; «большой Человек (во всех смыслах этого слова!)» – профессор Н.В. Иванцова), удивительно ему шли. А небольшая, но характерная картавость в речи, ошибки в ударениях и в произнесении отдельных слов делали статусную фигуру ближе, снимая с самого высокого пьедестала небожителей и поднимая на гораздо более высокий уровень – «своего» человека. Недаром открытость и простоту многие отмечали в числе главных качеств Владимира Сергеевича.

Планируя это выступление, я провела анкетирование, чтобы утвердиться в своем мнении, в определенной степени объективировать его или получить иное представление об оценке личности ученого и его роли в науке. Многие представители наук криминального цикла ответили на анкету. Благодарю всех.

Анкета включала в себя три вопроса о В.С. Комиссарове и три вопроса, напрямую с ним не связанных, которые родились из моей (первоначально) оценки масштаба его личности и повели меня дальше – в размышления о роли личности ученого в истории уголовно-правовой науки, организации последней, а также в остро стоящие ныне вопросы о задачах уголовно-правовой доктрины.

Анкетирование получилось репрезентативным по количеству опрошенных, а с учетом специфики респондентов (высокие специалисты – ученые в области уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии), думаю, заслуживающим по основным результатам самого пристального внимания.

На анкеты ответили 168 респондентов (см. табл. 1) из России и еще шести государств: Армении, Беларуси, Казахстана, Приднестровья, Сербии, Словении, при этом большинство знали Владимира Сергеевича лично – как друга, товарища, учителя, коллегу (см. табл. 2). Потому уровень доверия к ответам на вопросы анкеты, касающиеся личности Владимира Сергеевича, очень высок.

Таблица 1

Респонденты

Количество ответивших на анкету	
168	
Из них:	
профессоров	граждан иностранных государств
99 (58,9 %)	9 (5,4 %)

Таблица 2

Знакомство респондента с В.С. Комиссаровым

Знал его как коллегу (учителя, наставника) лично	Знал и знаю его по научным работам, лично знаком не был	Знал его как заведующего кафедрой МГУ и как организатора науки, лично знаком не был	Ничего не знаю о В.С. Комиссарове
103 (61,3 %)	39 (23,2 %)	35 (20,8 %)	2 (1,2 %)

В анкетировании приняли участие представители всех крупных юридических вузов России, многих юридических школ университетов. Региональный состав опрошенных: Архангельск, Барнаул, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Грозный, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Красноярск, Курск, Махачкала, Москва, Омск, Оренбург, Нижний Новгород, Новороссийск, Пенза, Пермь, Петропавловск-Камчатский, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Симферополь, Ставрополь, Тамбов, Тольятти, Томск, Улан-Удэ, Уфа, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Черкесск, Ярославль.

О вкладе В.С. Комиссарова в формирование и организацию доктрины уголовного-правовой науки

На второй вопрос анкеты – в чем респонденты видят главный вклад профессора В.С. Комиссарова в уголовно-правовую науку, – а также на следующий вопрос я просила ответить только тех, кто знал Владимира Сергеевича лично или хотя бы мог оценить этот вклад. Ответы, которые были получены, вполне прогнозировались (см. табл. 3).

Таблица 3

**Главный вклад В.С. Комиссарова в уголовно-правовую
и криминологическую науку**

Научные исследования в области посягательства на общественную безопасность	Научные исследования в области соучастия в преступлении	В целом научные исследования профессора В.С. Комиссарова	Организационная деятельность в области написания коллективных научных работ (учебников, монографий и пр.)	Организационная деятельность в области коммуникации представителей уголовно-правовой и криминологической доктрины (проведение научных и научно-практических мероприятий)
50 (29,8 %)	11 (6,5 %)	64 (38,1 %)	63 (37,5 %)	109 (64,9 %)

Подавляющее большинство ответивших справедливо, на мой взгляд, полагают, что главный вклад В.С. Комиссарова в науку связан с его организационной деятельностью в области коммуникации представителей уголовно-правовой и криминологической доктрины (проведение научных и научно-практических мероприятий). А если учесть в этом ответе еще и четвертый вариант (организационная деятельность в области написания коллективных научных работ (учебников, монографий и пр.)), по сути, тоже вариант организации науки, можно констатировать абсолютное признание респондентами вклада Владимира Сергеевича в организацию научной деятельности в большинстве ее проявлений, предполагающих объединение усилий представителей доктрины для решения насущных проблем.

Даже те, кто выбрал свободный вариант ответа на вопрос о вкладе профессора В.С. Комиссарова, часто писали именно об организации им науки. Так, профессор В.И. Михайлов замечает: «Конгрессы уголовного права, традиция проведения которых также принадлежит В.С. Комиссарову, сыграли чрезвычайно большую роль в объединении ученых, занимающихся вопросами борьбы с преступностью, дали возможность лично познакомиться и были площадкой для непосредственного профессионального общения». Профессор А.В. Наумов, отмечая в качестве основного варианта ответа тот же, что выбрало большинство, шутит, но в этой шутке стопроцентная истина, и она тоже о научной консолидации: В.С. Комиссаров – «руководитель УМО как разновидности науч-

ного туризма: посещение Соловков, Камчатки, Приморья, Китая, родины Ломоносова и т. д. и т. п., но Колыма не состоялась. А жаль...». Профессор М.Б. Кострова пишет: «выше я отметила всё, но самое-самое главное, как мне думается, [его вклад связан] с консолидацией ученых по противодействию волюнтаризму законодотворцев в сфере уголовного правотворчества». Профессор И.В. Попов: «В первую очередь всплывает в памяти 5-томный курс уголовного права под его редакцией». По мнению профессора Б.З. Маликова, «Владимир Сергеевич Комиссаров внес большой вклад в развитие правовой науки в целом и конкретные направления, в формирование уголовно-правовой политики, как эксперт, существенно влиял на деятельность коллегиальных органов Верховного Суда РФ, Следственного комитета РФ, ВАК России, Госдумы и др.». Далее Борис Зуфарович горестно констатирует: «но весьма скромно отмечен его труд государством – только год спустя, как это сделала Монголия, он был удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ»».

Действительно, после развала Советского Союза и обретения Россией независимости, после очень трудных девяностых годов прошлого столетия в силу естественных и, в общем, совершенно прозаических причин (денег не было, современных средств коммуникации – тоже, главная задача каждого – элементарное выживание) научные контакты были нарушены. Нужно было их воссоздавать, а часто – просто создавать заново. И эту работу как-то незаметно взял на себя Владимир Сергеевич, кажется,

еще до официального избрания заведующим кафедрой уголовного права и криминологии МГУ (Нинель Федоровне Кузнецовой, возглавлявшей кафедру до 2000 г., было уже сложно-вато в силу возраста заниматься чем-то, кроме кафедры, а В.С. Комиссаров и по кафедральным делам был ее реальной опорой).

Начали готовиться и проводиться майские научные конференции в МГУ, на смену которым позже пришел и Конгресс уголовного права. В конце девяностых – самом начале первого десятилетия этого века Владимир Сергеевич создал неформальный клуб молодой (тогда еще) профессуры, в который вошли многие ученые, защитившие в этот период докторские, а постоянными участниками стали, помимо В.С. Комиссарова, профессора А.И. Коробеев, Ю.В. Голик, автор этих строк, Л.В. Иногамова-Хегай, П.С. Яни, В.П. Коняхин, В.А. Якушин, чуть позже – В.И. Селиверстов, доцент М.В. Феоктистов, зарубежные коллеги. Традицией стали ежегодные выезды такой группой – часто в расширенном составе – после конференции или конгресса на майскую рыбалку в Подмосковье, которую все мы ждали, потому что там, помимо душевного неформального общения, рождались многие задумки, которые оказывались важными для всей науки и всего сообщества. Примерно в этот же период были воссозданы выездные заседания УМО по уголовному праву и криминологии (первоначально УМО возглавляла Н.Ф. Кузнецова, но потом и эту должность занял В.С. Комиссаров). Стали расширяться зарубежные связи и контакты. Создавались интересные коллективные работы. И за всем этим стоял Владимир Сергеевич. Объем этой работы был совершенно невообразимым. Конечно, ему помогали и кафедра, и коллеги. Однако эту помощь тоже нужно было организовать, а это очень непросто. И вот тут понимаешь все про роль личности в истории, ведь после ухода профессора В.С. Комиссарова часть из этого просто перестала существовать.

Все сказанное о главном вкладе профессора В.С. Комиссарова в науку отнюдь не умаляет его личных научных достижений. Даже, пожалуй, наоборот. Уверена, что чистый функционер, эффективный во многих других областях жизни, не будет эффективен, если за ним не стоят его заслуги на научном поприще. Неотъемлемая часть иногда магического влияния В.С. Комиссарова на коллег в деле консолидации научных усилий – это его профессиональная компетентность и личный вклад в исследование посягательств на общественную безопасность

и некоторых других тем². Профессор В.Н. Борков написал в ответе на анкету: «читаю лекции по посягательствам на общественную безопасность, всегда рассказываю о подходе В.С. Комиссарова, в соответствии с которым общественная безопасность (ст. 205 УК) предполагает в том числе защищенность личности и собственности. Поэтому говорить о каких-то дополнительных объектах здесь не нужно». А профессор Ю.В. Голик связывает главный научный вклад Комиссарова «с научными исследованиями в сфере Особенной части УК. Почти все занимаются проблемами Общей части, а он сконцентрировался на Особенной». Однако и Общей частью В.С. Комиссаров тоже занимался. На это указывает профессор Ю.М. Антонян, который видит главный вклад Владимира Сергеевича в науку в том, что он занимался «разработкой наиболее актуальных общетеоретических проблем».

Назову здесь еще то отличное, с чем связывают вклад В.С. Комиссарова в доктрину. Профессор Н.Ю. Волосова замечает: «это была научная глыба, Комиссаров В.С. обладал удивительным даром правового прогнозирования». Доцент Н.В. Кузнецова видит главный вклад В.С. Комиссарова в подготовке молодых ученых; примерно об этом же говорит и профессор Л.А. Букалерева, отметившая все варианты ответов и добавившая: «...и неоценимая помощь аспирантам и докторантам, молодым ученым».

О ЛИЧНЫХ КАЧЕСТВАХ В.С. КОМИССАРОВА, ОПРЕДЕЛИВШИХ РОЛЬ ЕГО ЛИЧНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКИ

В ответах были два варианта, которые описывали личность Владимира Сергеевича достаточно точно, притом что был употреблен один термин: «настоящий» – написал доцент М.М. Лапунин, «потрясающий» – отметил профессор А.Г. Кибальник. И, не раскрывая, общую характеристику личных качеств В.С. Комиссарова дал профессор Е.О. Алауханов: «набор уникальных личных качеств Владимира Сергеевича как ученого-организатора».

² Профессор Б.З. Маликов отмечает: «Работать в ведущем вузе страны, обеспечивать науку и учебный процесс, координировать на кафедре взаимодействие профессионалов высочайшего уровня, сформировавших собственные направления и школы в правовой науке, – это дано только специалистам, имеющим значимые профессиональные результаты и заслуги, предельно ответственным и организованным лицам».

Но чаще респонденты хотели передать в наборе качеств разные стороны личности профессора В.С. Комиссарова. До этого анкетирования я никогда не думала, что в отношении

одного человека может быть сказано столько доброго и что существует столько определенных разных положительных качеств человека (см. табл. 4).

Таблица 4

Главные качества личности В.С. Комиссарова³

Количество вариантов отмеченных черт		
свыше 110		
Из них чаще других назывались:		
коммуникабельность, коммуникативность/общительность	добродушие, доброжелательность/дружелюбие, приветливость	открытость
27 (26,2 %)	26 (25,2 %)	23 (22,3 %)
организаторский талант	порядочность	научная эрудированность/грамотность/компетентность/глубокие знания уголовного права/профессионализм
21 (20,4 %)	20 (19,4 %)	18 (17,5 %)
простота в общении/без снобизма, отсутствие высокомерия, кичливости/демократичность	доброта	жизнерадостность/оптимистичность/позитивность/оптимизм
16 (15,5 %)	12 (11,7 %)	11 (10,7 %)
ответственный/научная ответственность/научная зрелость	уважительность/уважение к коллегам/уважение к учителям	отзывчивость
10 (9,7 %)	9 (8,7 %)	8 (7,8 %)

При подведении итогов анкетирования по этому вопросу я столкнулась с тем, что, возможно, респонденты в ряде случаев говорят об одном и том же, но называют качества разными словами. Я шла от значения термина и объединяла в разные группы качества с разными, точнее, отличающимися, на мой взгляд, по смыслу значениями. Так, в таблице 4 есть доброта и дружелюбие, учтенные самостоятельно, а есть и близкое к доброте, но выделяемое отдельно желание помочь, готовность прийти на помощь (5 респондентов); наряду с открытостью и простотой в общении есть доступность (5 респондентов); есть жизнерадостность, оптимистичность, позитивность, оптимизм, а есть жизнелюбие (в 5 анкетах); есть уважительность, уважение к коллегам, уважение

к учителям, а есть внимательность к собеседнику, к людям, к коллегам (в 5 анкетах) и т. д.

Не единожды кроме уже названных в анкетах упоминались следующие качества Владимира Сергеевича:

- трудолюбие, трудоспособность, неутомимость, обаятельность, целеустремленность (по 7 упоминаний);
- честность, принципиальность (по 6 упоминаний);
- жизнелюбие, скромность, чувство юмора, доступность (по 5 упоминаний);
- инициативность, активность, уравновешенность, хладнокровие, спокойствие, решимость, решительность, талантливость, искренность (по 4 упоминания);
- обязательность, человек слова, основательность, глубина подхода, равнодушие, настойчивость, упорство, упрямство, харизматичность, умение заечь, вести за собой, ду-

³ Проценты рассчитаны не от общего количества участников анкетирования, а от количества тех, кто лично знал В.С. Комиссарова (103 респондента).

шевность, широта души, широкий кругозор, умение дружить (по 3 упоминания);

– критическое отношение к себе, самокритичность, уверенность в себе, добросовестность, надежность, умение выслушать, великодушие, мудрость, поддержка молодых начинающих ученых, компанейский, мужская харизма, патриотизм (по 2 упоминания).

Среди качеств, которые были названы один раз, хотела бы отметить только (все перечислить невозможно) те, которые, по моим личным наблюдениям (мы дружили), были присущи профессору Комиссарову: прямолинейность, аполитичность в науке, энергичность, азарт (он был большим спорщиком, до уровня упертости иногда).

Приведу еще женские ответы (без указания авторов): «Он оценил мое творчество, поддержал публично мое критическое исследование – я ему очень благодарна»; «заводной, озорной».

Интересны и ответы зарубежных коллег. Так, кандидат юридических наук Семен Слав (Приднестровье) написал: «Владимир Сергеевич был настоящим другом, открытый, честный, обязательный человек, отличный организатор и администратор, умеющий заечь интерес у коллег на любые обсуждаемые вопросы». Профессор Сreto Ного (Сербия) отмечает: «Проф. д-р Владимир С. Комиссаров был уникален и как профессор, и как человек. Он пленил своими знаниями, спокойствием и научной зрелостью. Он всегда был готов обсудить открытые вопросы и пропорции и убедить другую сторону в правильности своих взглядов, основанных на научно обоснованных взглядах. Таким отношением ему удалось заставить противников уважать и ценить его. На международных научных конференциях его мнение ценили и уважали. Счастливы были люди, которые могли сказать, что знали его и имели честь и удовольствие слушать его». Профессор В.М. Хомич (Республика Беларусь) перечислил главные, по его мнению, качества Владимира Сергеевича: «демократический универсализм, рационально-сдержанный скептицизм в научной коммуникации, признание плюрализма мнений и многообразия видения современного уголовного права, коммуникабельность как способность не быть одним в любом деле – это важно и в науке, самокритичность на принципах золотой середины».

Анализируя сказанное, хотела бы вернуть-

ся к самым распространенным ответам. Думаю, что именно они в совокупности отражают основные черты личности в науке вообще и в организации науки в частности. Как отмечает, А.В. Бибикина, «в личности лидеров творческих (исполнительских) коллективов существует набор базовых лидерских черт, варьирующихся в зависимости от того, в каком виде творчества специализируется данная личность» [2, с. 319].

Примечательно, что среди тех черт, которые чаще других упоминали в анкетах, есть черты, свидетельствующие о профессионализме (уже говорила, что без этих качеств едва ли возможно консолидировать науку), черты, отражающие способность к коммуникации, черты сугубо личные, такие как доброта, порядочность и т. д. Конечно, набор таких качеств у разных представителей доктрины, которых можно назвать личностями в деле организации научных коммуникаций (процессов), могут отличаться: что-то более выражено, что-то – менее, чего-то может и вовсе не быть (например, жизнерадостности, оптимизма, хотя с ними лучше), однако выраженность указанных групп признаков должна быть несомненной. Примерно такие же данные приводит И.В. Ершова: «По итогам исследования авторами была предложена модель организационно-управленческих качеств заведующего кафедрой, включающая 5 элементов: профессиональная компетентность, организаторские, деловые, нравственные качества, политическая культура и работоспособность. Наиболее значимой составляющей, по мнению опрошенных, оказалась профессиональная компетентность» [1, с. 180].

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ДОКТРИНЫ, НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ, НАУЧНОЙ ПОЗИЦИИ (ВЗГЛЯДОВ)

Первый из вопросов, напрямую не относящихся к В.С. Комиссарову, касался того, признают ли респонденты роль личности ученого в научной деятельности, хотя некоторые респонденты усомнились в необходимости этого вопроса в силу очевидности утвердительного ответа. Так, профессор А.В. Федоров написал, выделяя большими буквами, чтобы подчеркнуть: «РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ – В ИСТОРИИ НАУКИ, НЕОСПОРИМА». Профессор А.И. Коробеев указал, что личность

в науке играет определяющую (главенствующую) роль, профессор Л.А. Букалерева – основную, профессор Е.А. Антонян – ключевую, в зависимости от авторитета и масштаба личности, а профессор Н.Ю. Волосова – «играет всегда, и чем ярче личность, тем более яркий след она оставляет» и в формировании научной доктрины⁴, и в научных коммуникациях, и в научных взглядах.

В вариантах был заложен один отрицательный ответ (ни один человек не выбрал

его), два варианта ответов для тех, кто признает роль личности в науке, с разной аргументацией (семь респондентов указали на оба варианта, при этом профессор Т.Г. Понятовская оговорилась: «при условии, что ученый действительно проявился как личность (заметная, особенная), выделяющаяся из ряда людей, имеющих ученые степени и звания»), и свободный ответ, который выбирали очень часто. Вот совокупные данные по полученным ответам (см. табл. 5).

Таблица 5

Роль личности ученого в формировании научной доктрины, научных коммуникаций, научной позиции (взглядов)

Вообще не играет	Играет всегда, но какую именно, определить в качестве одной характеристики нельзя – всегда разную, это зависит в том числе от личных качеств исследователя	Иногда ⁵ консолидирует науку (при этом как в части поддержки, так и в части отвержения научной позиции (идеи и пр.) отдельного ученого)	Иное
0	127 (75,6 %)	26 (15,5 %)	25 (14,9 %)

Таким образом, подавляющее большинство ответивших полагают, и я с ними согласна, что личность ученого всегда значима для формирования научной доктрины, научных коммуникаций, научной позиции (взглядов), но какую именно роль она играет, определить в качестве одной характеристики нельзя – всегда разную, это зависит в том числе от личных качеств исследователя⁶. Это только у Александра Сергеевича «гений и злодейство – две вещи несовместные». Выбрав этот вариант ответа, профессор Ю.Е. Пудовочкин заметил: «От личных качеств зависит очень много. Если человек те-

бе симпатичен, если обладает приятными тебе личными качествами, на его научные глупости зачастую не обращаешь внимания, относишься к ним как к стиливым погрешностям или чудачествам. И это нормально(!). Уголовно-правовая наука в конечном итоге – это мнение людей о людях, а потому и оценка научной доктрины или позиции есть оценка людьми тех людей, которые имеют мнение о людях».

В свободном варианте ответа часто писали о роли личности ученого в формировании научных школ. Так, доцент С.А. Сивцов считает: «Личность ученого играет ОГРОМНУЮ роль в создании научных коммуникаций. Формирование научной школы, научной доктрины основывается на научной позиции ученого; его мысли, идеи выступают основополагающими элементами вектора развития как научной специальности в общем, так и определенного правового института и (или) узконаправленного какого-либо положения в частности. Ученый, обладая определенной харизмой, является двигателем своих идей, а его ученики и (или) сподвижники по научной позиции являются составными элементами всей научной машины (научной школы)». По мнению профессора М.А. Желудкова, роль личности ученого сво-

⁴ Профессор С.У. Дикаев написал: «Доктрина – это многократно подтвержденная (доказанная) наукой и практикой сумма устоявшихся юридических знаний. Поэтому доктрина научной быть не может. Вот в формировании научных коммуникаций в смысле продвижения научных идей внутри научного сообщества личность ученого, особенно его личные достижения, организаторские и человеческие качества, имеет огромное значение». И совсем противоположное мнение высказано профессором Н.Ю. Зограбян (Армения): «формирование и признание научным сообществом доктрины напрямую зависит от личности ученого, его роли в науке, что и предопределяет успех научной концепции».

⁵ Доцент А.В. Кошкин отметил: «ВСЕГДА консолидирует науку».

⁶ Доцент С.К. Бураева точно заметила: «играет, но необходимо знать лично этого ученого».

дится к следующему: «Развитие научной школы. Создание новой научной доктрины, которая принимается большинством теоретиков и практиков при решении проблемных вопросов». Профессор И.В. Попов полагает: «Создание научной школы возможно лишь в случае, когда крупные научные идеи постулируются ЛИЧНОСТЬЮ!».

Из других свободных ответов приведу лишь некоторые: «харизматичный лидер умеет увлечь соратников и повести за собой, сделав единомышленниками» (профессор В.А. Казакова); «если человек горит своей идеей и может зажечь ею других, его костер будет гореть уже независимо от того, жив он или нет, так как он останется в душе его последователей» (доцент В.А. Шуняева); «от личности ведущего ученого зависит формирование в целом подхода других ученых к науке (добросовестности при проведении исследования, толерантности к другим точкам зрения, узкоспециальной или междисциплинарной направленности должны быть исследования, стиль научного изложения и т. д.)» (доцент Е.А. Соловьева); «личностные качества исследователя, безусловно, определяют и его научную судьбу, и широту формирования научной школы, и вектор развития науки в целом, особенно гуманитарной. Талант и целеустремленность воодушевляют на научное открытие, желанием принести пользу он стремится к взаимодействию, открытости, апробации и развитию взглядов не только через письменные источники и выступления. Харизматичный талантливый человек для окружающих – как источник созидательной энергии, к которой вольно и невольно стремятся, хотая быть сопричастны с ней» (профессор Е.С. Стешич). Профессор Ю.М. Антонян полагает, что «ученый должен быть любознательным и хорошо эрудированным не только в своей дисциплине, а во всех смежных научных областях».

Подведу итог. Личность ученого всегда играет существеннейшую роль в науке, при этом прежде всего в ее организации, в налаживании научных коммуникаций, а также в научном (и не только) воспитании учеников и последователей. К сожалению, на примере В.С. Комиссарова видно, что уход из жизни отдельных ученых, принимая во внимание масштабы их личности и их личные качества, влечет извлечение «кирпичика» из здания науки и способен вызвать обрушение какой-то части этого

здания. В формировании доктринального знания роль личности тоже велика. Это не значит, что доктрина заполняется одним главенствующим мнением, но точно значит, что само явление идеи авторитетного ученого влечет ее обсуждение в научных кругах и складывает воедино палитру различных позиций по этому вопросу, даже если договориться не удалось. Возможно, именно отличное от традиционного мнение крупного ученого в большей степени формирует доктрину хоть уголовного, хоть уголовно-исполнительного права, хоть криминологии. Два примера: позиция профессора Н.Ф. Кузнецовой по формальным и материальным составам преступлений и позиция профессора Я.И. Гилинского, согласно которой преступление есть некий социальный конструкт, придуманный законом, не нашедшие широкой поддержки в доктрине, тем не менее в изрядной степени ее развили за счет необходимости аргументации традиционных взглядов, приведя к консолидации по ним. Точно пишет почти об этом и профессор В.В. Лазарев: «Противоположные позиции могут быть интегрированы на почве здорового консерватизма и в парадигмах сотрудничества, исключения конфликтов и социальных потрясений. Конвергентные подходы никогда не утрачивают своей роли» [3, с. 5].

УЧЕНЫЕ, ВНЕСШИЕ НАИБОЛЬШИЙ ВКЛАД В ОРГАНИЗАЦИЮ НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ (В ЛЮБОЙ ПЕРИОД ЕЕ РАЗВИТИЯ)

Результаты, полученные по пятому вопросу анкеты, впечатляют, поскольку демонстрируют и знание респондентами крупных ученых разных эпох и государств, и желание отдать дань уважения и признательности за вклад в науку ушедшим. В то же время по ряду ответов у меня сложилось ощущение, что вопрос анкеты был прочитан респондентами «бегом». На мой взгляд, часто назывались крупные ученые в области уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии без привязки к их вкладу в организацию науки. Хотя, возможно, я заблуждаюсь.

Кроме того, все по-разному толкуют понятие «организация науки». Об этом точно написал в анкете профессор Ю.Е. Пудовочкин: «В первую очередь среди организаторов науки – организаторы форумов. Это «лица, к кото-

рым ездят или ходят». Не на какой-то конгресс и не на какую-то конференцию, а на конгресс того-то и конференцию того-то. К кому мы ездим или ходим (в том числе «ходим» виртуально)? Лиц немного... Во вторую очередь (порядок изложения не принципиален) – это лица, организующие организационное начало науки (если можно так выразиться), прежде всего работу ВАК и через него – диссертационных советов... В-третью очередь – организаторы и руководители научных коллективов,

которые проводят исследования или создают иную научную продукцию, редакторы профильных журналов. Их организующая роль не столь масштабна и потому не столь заметна». От себя добавлю, что объединение в одной личности всех указанных граней организации науки встречается не так часто, если не сказать – редко (принимая во внимание организацию работы диссовета).

Далее приводятся сводные данные; я учла все ответы (см. табл. 6).

Таблица 6

Ученые, внесшие наибольший вклад в организацию науки уголовного права и криминологии (в любой период ее развития)

Количество упомянутых ученых		
180 + 1		
1 – коллективные образования (учредители СПб крим. клуба, РКА, СКК)		
Из них:		
ученые досоветского периода	ученые, основная организационная деятельность которых пришлась на советский и первый постперестроечный период	современные ученые
20	70	91

Затруднение у меня вызвало отнесение многих ученых, которые работали в разные периоды развития государства, к конкретному временному этапу, поэтому тут могут быть ошибки. Я исходила из того, в какое время деятельность конкретного ученого была наиболее продуктивна (по опубликованным работам, выступлениям и пр.).

Количество ученых, внесших вклад в развитие науки, по мнению опрошенных, в анкетах было разным, иногда очень большим (свыше 20 имен). Были анкеты, в которых с разной аргументацией респондент не отвечал на этот вопрос; чаще всего звучало, что таких ученых

очень много и не хочется кого-то обидеть.

Полученные результаты едва ли могут быть приняты за истину, но общее представление о том, кого коллеги причисляют к тем, кто определяет организацию доктрины и научных коммуникаций, дают.

Самых упоминаемых ученых покажу в двух таблицах (соответственно, с отметкой этих ученых 25-ю и более проанкетированными, и с отметкой в 10 и более анкетах (до 25)), намеренно не выстраивая никаких рейтингов, не считая процентов, в алфавитном порядке, без разделения на временные эпохи, и здравствующих, и уже ушедших (см. табл. 7, 8).

Таблица 7

**Часто (25 и более раз) упоминаемые среди внесших наибольший вклад
в организацию науки уголовного права и криминологии**

Антонян Юрий Миранович	28
Волженкин Борис Владимирович	32
Долгова Азалия Ивановна	53
Козаченко Иван Яковлевич	27
Комиссаров Владимир Сергеевич	54
Кудрявцев Владимир Николаевич	62
Кузнецова Нинель Федоровна	67
Лопашенко Наталья Александровна	104
Наумов Анатолий Валентинович	43
Рарог Алексей Иванович	67
Таганцев Николай Степанович	32
Яни Павел Сергеевич	28

Таблица 8

**Часто (от 10 до 24 раз) упоминаемые среди внесших наибольший вклад
в организацию науки уголовного права и криминологии**

Бабаев Михаил Матвеевич	15
Гаухман Лев Давидович	11
Гилинский Яков Ильич	13
Жалинский Альфред Эрнестович	17
Карпец Игорь Иванович	19
Ковалев Митрофан Иванович	10
Коробеев Александр Иванович	18
Лунеев Виктор Васильевич	19
Пионтковский Андрей Антонович и Пионтковский Андрей Андреевич	23
Трайнин Арон Наумович	12
Шаргородский Михаил Давидович	12

По Пионтковским должна заметить, что о ком из них – отце или сыне – шла речь, понять, к сожалению, нельзя: инициалы у профессоров Пионтковских совпадают; точно можно судить в одном случае, когда были упомянуты сразу и отец – Андрей Антонович, и сын – Андрей Андреевич (профессор С.В. Шевелева), а также по ответам в двух анкетах, в одной из которых указано отчество сына, а в другой – советский период.

Назову уже без таблиц фамилии ученых, которых упоминали чуть реже (от 3 до 9 раз):

- Э.Ф. Побегайло, Л.Л. Кругликов (9 анкет);
- Г.М. Миньковский, И.М. Мацкевич (8 анкет);
- Н.И. Загородников, Ю.В. Голик (7 анкет);

- И.Я. Фойницкий, А.А. Герцензон, А.Б. Сахаров (6 анкет);

- С.В. Познышев, М.Н. Гернет, Н.А. Стручков, Б.С. Никифоров, П.С. Дагель, А.С. Михлин, Б.В. Здравомыслов, В.Д. Филимонов, В.Е. Квашис, А.Л. Репецкая (5 анкет);

- А.Ф. Кони, С.Г. Келина, Н.А. Беляев, Н.И. Ветров, Б.В. Яцеленко, А.В. Бриллиантов, В.И. Селиверстов, Г.А. Аванесов, Д.А. Шестаков, В.П. Коняхин, Л.В. Иногамова-Хегай (4 анкеты);

- Н.Д. Дурманов, А.И. Марцев, А.М. Яковлев, И.С. Ной, С.В. Бородин, Г.Н. Борзенков, Р.И. Михеев, В.П. Малков, Ю.М. Ткачевский, В.А. Номоконов, В.С. Овчинский, Ю.Е. Пудовочкин (3 анкеты).

Наконец, в двух анкетах были названы: Л.А. Фейербах, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, А.А. Жижиленко, Б.С. Утевский, Н.С. Лейкина, В.Д. Меньшагин, Г.А. Кригер, В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов, А.Н. Игнатов, В.Е. Эминов, В.Д. Ларичев, Г.Н. Горшенков, С.Ф. Милюков, М.Н. Прозументов, С.М. Иншаков, А.В. Шеллер, С.В. Максимов, В.В. Векленко, В.А. Уткин, А.И. Чучаев, С.Я. Лебедев, А.Г. Кибальник.

Среди тех, кого респонденты перечислили как внесших наибольший вклад в организацию науки, были и представители разных государств. Иногда в анкете оговаривалось: «для республики Беларусь» или «для Дальневосточного региона», хотя не думаю, что с этим можно согласиться. Имена Ивана Станиславовича Тишкевича или Плехана Сергеевича Дагеля, например, значимы для доктрины не только Беларуси, Дальнего Востока, России, но и государств – бывших республик Советского Союза, как и имя Елегена Изтлеуовича Каиржанова (Казахстан).

Интересно, что в числе лиц, оказавших максимальное воздействие на организацию уголовно-правовой науки и криминологии, есть имена ученых, которые не имеют отношения к нашей специальности, в частности профессоров Владимира Михайловича Баранова (теория государства и права), Виктора Петровича Сальникова (теория и история государства и права, конституционное право), Александра Сергеевича Подшибякина (криминалистика).

В одной из анкет была и такая фраза: «Можно было бы назвать тех, кто, напротив, «душил» науку, но не буду». И справедливая ремарка профессора В.И. Михайлова: «В организации науки решающее значение имеют люди, занимающие те или иные управленческие должности, причем зачастую на общественных началах... Объективно, с учетом особенностей нашего времени и возросшей потребности в неформальных коммуникационных связях, в развитие научной мысли серьезный вклад внесли и вносят (далее перечислены конкретные ученые. – Н. Л.) ... а также масса других людей, занимающихся бюрократической работой на государственной и иной управленческой службе. Широкая научная общественность их не знает, относится к ним свысока, поругивает, но без этих людей ничего бы «не организовывалось»».

О ЗАДАЧАХ, СТОЯЩИХ СЕГОДНЯ ПЕРЕД НАУКОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Шестой вопрос анкеты – о задачах науки сегодня – был, возможно, самым главным и уж точно – самым сложным из всего анкетирования. Недаром два респондента не ответили на него, указав на затруднения в выборе позиции, а профессор Д.А. Корецкий и вовсе написал: «не знаю».

Для того чтобы при ответе на данный вопрос акцентировать внимание респондентов на сложном современном этапе истории России, я подчеркивала, что именно осложняет его: последствия пандемии, мировая напряженность, СВО, колебание основ международного права в силу противоположного его истолкования представителями разных государств и т. д. Профессор С.Я. Лебедев добавил к перечисленному – верно абсолютно – еще и «инновационные информационно-коммуникационные реалии гибридного миропорядка в условиях 6-го технологического уклада», а профессор М.Г. Жилкин, и тоже во многом справедливо, горестно констатировал: «современные реалии, к сожалению, сложились не в последние несколько лет или месяцев, а являются следствием крушения Советского государства, негативным результатом которого стало в том числе и действующее законодательство. Возвращение класса эксплуататоров в лице современных капиталистов, сколотивших свои первые миллионы на преступлениях, маргинализация «элит», разделение общества на «государство» и народ лишает смысла разработки новых правовых концепций, так как все они будут сведены к обслуживанию действующего режима. Пандемия, СВО, изоляция, проблемы бизнеса, падение нравов – это все следствие, поэтому вначале необходимо стабилизировать общественные отношения, а уже после – создавать новое уголовное право. Когда лихорадящий больной старается выжить, ему явно не до ремонта в своей квартире». Проблема здесь, на мой взгляд, в том, что этот пресловутый «ремонт» делают в нашем доме лица, которые не только не являются профессионалами в нашем деле, но и бесконечно урезают наши права на проживание в этом доме. Потому нельзя не вмешиваться.

Общая картина по ответам на шестой вопрос анкеты выглядит следующим образом (см. табл. 9).

Главные задачи, стоящие перед наукой уголовного права и криминологии сегодня

А. Разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий	Б. Решение по-новому вечных уголовно-правовых и криминологических проблем (проблемы понятия общ. опасности, преступления, целей наказания, понимания преступности, личности преступника, криминализации и т. д.)	В. Концентрация на квалификационных проблемах, то есть полный уход в практико-ориентированность и обслуживающую правоприменение роль	Г. В наше сложное время для науки уголовного права и криминологии ничего не изменилось, следует работать, как работали	Д. Основные усилия науки сейчас должны быть направлены на помощь государству в тех аспектах, в которых наука уголовного права и криминологии компетентна	Е. Иное
35 (20,8 %)	56 (33,3 %)	9 (5,4 %)	25 (14,9 %)	42 (25 %)	45 (26,8 %)

Таким образом, в ответах на этот вопрос анкеты выделяются два варианта с разными значениями – максимальным и минимальным.

Чаще всего респонденты – высококвалифицированная аудитория – видят в качестве главной задачи доктрины уголовного права и криминологии решение по-новому вечных уголовно-правовых и криминологических проблем, например, проблемы понятия общественной опасности, преступления, целей наказания, проблемы понимания преступности, личности преступника, криминализации и т. д. (вариант Б), хотя иногда с корректировками основной формулировки варианта ответа. Так, профессор А.В. Федоров дополнил ее фразой: «адаптация уголовного права к изменившимся реалиям бытия, включая решение по-новому...»; профессор С.В. Полубинская уточнила: «более глубокое, с содержательным использованием истории уголовно-правовой науки исследование традиционных уголовно-правовых проблем»; почти о том же написал профессор В.А. Якушин: «углубленное исследование «старых» и «новых» проблем в аспекте имеющихся социальных реалий, в интересах развития самой науки, совершенствования законодательства и практики его применения», а профессор

А.И. Бойко подчеркнул: «главное – как по-новому!»

Реже, чем другие варианты, был отмечен вариант В – «концентрация на квалификационных проблемах, то есть полный уход в практикоориентированность и обслуживающую правоприменение роль». Его выбрали всего 9 человек из 168 респондентов, при этом пятеро из них добавили еще один вариант ответа к этому. Так, профессор Г.А. Есаков заметил: «за основу я бы взял пункт «в», но дополнил бы его – и продолжение разработки строго догматических проблем уровня ниже, чем пункт «б» (например, вина, составы, квалификация и т. п.)».

Оценки анализируемого варианта ответа разошлись. Профессор В.И. Селиверстов, прокомментировав каждый из вариантов ответа, написал: «это тупик для уголовного права». Такую же позицию занял профессор Б.З. Маликов: «такой подход приведет к определенной утрате значения теории уголовного права, особенно в части понимания сущности уголовной ответственности, значения наказания, иных мер уголовно-правового характера, обеспечения правоохраны, превентивных целей, а вопросы квалификации будут получать более свое отражение не в процессе совершенствования закона, а преимущественно

на уровне руководящих разъяснений ПВС России и практики судов по отдельным вопросам квалификации. Без должного внимания к науке государство будет допускать ошибки в вопросах криминализации, декриминализации, пенализации и депенализации, соответствия охраняемых ценностей мерам уголовно-правовой защиты». Доцент О.Н. Агеева, выбрав свободный вариант, скорректировала ответ указанием не на полную, а на разумную практикоориентированность: «разумная практикоориентированность. Прикладная роль науки уголовного права, на мой взгляд, должна быть максимально востребованной. Вопрос «а услышат ли?!» из числа даже не риторических, а перманентных, пожалуй...».

Из трех оставшихся конкретных (исключая пока свободный) вариантов ответа чуть больше голосов набрал вариант Д – основные усилия науки сейчас должны быть направлены на помощь государству в тех аспектах, в которых наука уголовного права и криминологии компетентна. Его выбрал, например, профессор Ю.В. Голик, добавивший к нему: «работать надо много и хорошо», профессор В.В. Сверчков, отметивший рядом с государством: «Отечеству, русскоязычному миру», профессор И.В. Шишко, скорректировавшая границы помощи: «и, как мне представляется, проблемы квалификации – часть этой помощи». А кандидат юридических наук А.Н. Старжинская указала: «Я бы соединила ответ Б с ответом Д, если бы было понятно, в каком контексте имеется в виду помощь государству. Сейчас нужно взрастить правосознание у граждан с учетом геополитической ситуации. Но не в интересах представителей власти нашего государства. В интересах самого государства как такового. Без науки это невозможно, на мой взгляд».

Значительное количество респондентов выбрали вариант А: разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий, хотя и уточнения здесь тоже были. В частности, профессор И.А. Фаргиев отметил необходимость при создании концепции нового уголовного права учитывать историческое прошлое. Приведу только один аргумент в обоснование этого варианта ответа на вопрос о главных задачах уголовного права сегодня. Доцент С.А. Сивцов полагает: «В последнее время с учетом указанных

особенностей, с учетом денонсации ключевых конвенций в уголовном праве и криминологии, с учетом развития современных информационных технологий необходимо сосредотачиваться на выработке своих доктринальных нормативных правовых актов, начиная с принятия нового Уголовного кодекса РФ, где не будет такого множества мелких и «мертвых» статей, непонятно что регулирующих, необходима выработка единой российской антикоррупционной концепции (с учетом как европейского, так и азиатского опыта) и т. д. Практически весь спектр общественных отношений, регулируемых уголовно-правовыми нормами, подлежит пересмотру, иначе мы скатимся к «обслуживающей правоприменительной роли». А после формирования нового уголовного права будет стоять необходимость и в совершенствовании Уголовно-исполнительного кодекса РФ, который тоже необходимо модернизировать под настоящие реалии».

Интересны рассуждения респондентов, которые не согласились с этим вариантом ответа. Так, профессор В.И. Селиверстов коротко заметил: «реалии только в стадии изменения»; профессор Н.И. Пикуров: «разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий – это слишком кардинально, но в этом направлении – разработка концепции новых институтов уголовного права, ревизия старых институтов на предмет их эффективности». По мнению профессора В.И. Михайлова, «прежде всего надо бы понять, во-первых, эту самую изменившуюся реальность и сформулировать тенденции ее развития, а во-вторых, может ли уголовно-правовой инструментарий, разработанный почти сотню лет тому назад для нужд своего времени, применяться сейчас? Может ли категория «общественная опасность» «работать» сейчас, при плюрализме интересов (прежде всего, экономических интересов, ч. 2 ст. 8 Конституции: «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности», а в литературе все еще пишем: «независимо от форм собственности». Оговорка, как говорится, по Фрейду). Должно ли понимание умысла включать и осознание противоправности совершаемого деяния? Как понимать виновность применительно к определению преступления. И пр. и пр.».

По сути, продолжая то, о чем говорит профессор В.И. Михайлов, но доводя свои рассуждения до почти категоричного отрицания старых подходов, профессор Ю.Е. Пудовочкин пишет: «Я бы сказал так: разработка здоровой, реалистичной и современной концепции уголовного права – не перетряхивание привычных постулатов, не подгонка их под новые условия и ни в коем случае не оказание «помощи» государству. Государство у нас хорошее, но все время разное, куда оно свернет в следующем году или через пару лет, не дано предугадать никому, наука не может быть «обслуживающей» единицей, она должна стать самостоятельной силой, со своим видением оптимальной ситуации в сфере правового противодействия преступности. Но ее самостоятельность не может основываться лишь на прошлых достижениях. Это самоочевидно. «Приспособление старого к новому» – путь в никуда. Латать дыры на старых кафтанах можно, да выходить в них в свет уже неприлично. Красивое, но затертое слово «инновации» должно наконец-то стать определяющим. Беккариа был инновационным, Вышинский был инновационным. Это хоть и разные, но инновационные стартапы, с известной разной судьбой. Новых и перспективных инноваций – вот чего не хватает сегодня».

Доцент М.М. Лапунин, выбравший другой вариант ответа, написал: «Разработка концепции нового уголовного права с учетом изменившихся реалий, но с перспективой на будущее, так как внедрять в эпоху перемен новый уголовный закон – дело неблагодарное. Пока же – работать, как работали».

Вариант Г выбрали 25 человек, при этом формулировку варианта ответа уточнил профессор Ф.В. Грушин, указав на необходимость учета современных условий. Профессор Т.В. Кондрашова заметила: «Делай что должен, и будь что будет». По мнению профессора М.Б. Костровой, «не изменилось, «следует работать, как работали» означает, что, как и во все времена, научному осмыслению подлежат и новые проблемы (реалии), и проблемы вечные, в том числе и квалификационные». Хотя и здесь были ремарки тех респондентов, которые выбрали иной вариант ответа. Например, профессор В.И. Селиверстов подчеркнул: «постарому уже ущербно работать, а для нового не созрело общество».

И наконец, набравший множество голосов

свободный вариант Е – второй по популярности. Привести здесь все позиции (безусловно, очень интересные) не смогу (некоторые из них еще и очень объемные. Например, по мнению профессора А.П. Кузнецова, «в настоящее время перед уголовно-правовой наукой должны стоять две группы стратегических (теоретических) и тактических (прикладных) задач⁷. Решение указанных задач позволит разработать концепцию уголовного права с учетом социально-экономических и политико-правовых отношений, складывающихся в обществе»), но на отдельных хотелось бы остановиться.

Сформулированы новые (или почти новые), а также достаточно кардинальные идеи в отношении задач уголовного права и криминологии (иногда и других отраслей права и даже образования) на настоящем этапе. К числу таковых я отношу следующие:

– «принципиальный пересмотр ВСЕХ понятий уголовного права и криминологии с учетом современных международных научных представлений» (профессор Я.И. Гишинский);

– «ВЫРАБОТКА ОСНОВ (видимо, заново) МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА» (доцент К.Е. Чемеринский);

– «разработка и обеспечение реализации инновационных научных основ современной уголовно-правовой политики государства» (профессор С.Я. Лебедев);

– «разработка инновационных идей, касающихся природы причинности, криминологической роли категорий взаимодействия, случая, неопределенности, риска, анализа микрокриминологических факторов» (профессор М.М. Бабаев);

– «объяснить, почему человек совершает преступление и каким путем его удержать от этого» (профессор Ю.М. Антонян);

⁷ «К теоретическим задачам следует отнести: а) разработку методологии системного анализа метода уголовного права; б) разработку методологии эмпирического познания объекта уголовного права; в) разработку методологии теоретического познания предмета уголовного права. К прикладным задачам следует отнести: а) исследование российского уголовного законодательства и практики его применения; б) исследование междисциплинарных взаимосвязей между уголовным правом и другими отраслями права; в) исследование исторических этапов эволюции уголовного законодательства и практики его применения; г) исследование международного уголовного права, уголовного права зарубежных стран; д) исследование проблем противодействия преступности».

– «познать преступность в условиях новых мировых реалий» (профессор Е.А. Антонян);

– «стабильность, единообразие судебной практики» (доцент С.К. Бураева);

– «в современных условиях модернизации юридического образования важно сосредоточиться на вопросах повышения уровня преподавания дисциплин за счет улучшения содержания рабочих учебных планов и учебных программ, отводя уголовному праву, криминологии роль базовых, а не элективных дисциплин. Более того, по данным предметам необходимо увеличить количество часов, поскольку это отражается на качестве подготовки кадров для сферы борьбы с преступностью» (профессор Е.О. Алауханов). Ну как с этим не согласиться! Правда, едва ли это задача науки.

В этом же ряду стоит и мнение профессора С.У. Дикаева: «Нужен иной подход в определении предмета уголовного права, предполагающий признание потерпевшего субъектом уголовно-правовых отношений. Это должны быть общественные отношения, возникающие между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим, посредством государства. Государству следует отказаться от монополии на регулирование всех уголовно-правовых конфликтов. Все правосудие должно «крутиться» вокруг потерпевшего. Главной задачей правосудия должно быть скорейшее восстановление положения потерпевшего».

Несколько позиций фактически совпали, поскольку ученые пишут о необходимости преодолевать волюнтаризм законодателя как о главной задаче уголовно-правовой науки. Так, по мнению доцента Е.И. Грузинской, «в силу отсутствия системности изменений, когда один казус становится поводом изменения законодательства, мне кажется, одной из главных задач при реформировании законодательства становится необходимость научной обоснованности правотворчества»; кандидат юридических наук Р.А. Комягин полагает, что «главная задача для науки состоит в том, чтобы добиться непосредственного и обязательного участия в принятии государственно-правовых решений. В остальном следует работать, как работали, но с учетом новых реалий. Что-то будет меняться, что-то останется по-прежнему». Профессор В.И. Плохова отмечает: «использовать имеющиеся достижения

науки уголовного права для корректирования закона и правоприменения»; профессор Н.В. Огородникова пишет: «предостеречь законодателя – не увлекаться криминализацией (учитывать разработанные наукой основные и принципы методов уголовно-правовой политики), перестать плодить специальные нормы, чтобы не скатиться в казуистику, не заидеологизировать окончательно уголовный закон». Как тут не вспомнить профессора В.В. Лазарева: «Нуждается в критическом переосмыслении российская ментальность, согласно которой всякий дискомфорт должна устранять власть (Царь, КПСС, Президент) и непременно изданием законов» [4, с. 183].

Есть среди свободных ответов на вопрос о главных задачах уголовно-правовой науки ответы, по сути, объединяющие в себе если не все варианты, то многие. Например, доцент А.А. Коренная рассуждает следующим образом: «не исключаю ничего из перечисленного. Однако каждое из направлений не должно стать абсолютom. «Удобный» для практики закон (квалификационные проблемы) во всяком случае не может быть таковым без доктринального осмысления. Решение новых задач, в том числе на уровне концепции нового уголовного закона, необходимо, но работать нужно, как работали, только больше и лучше»; по мнению профессора Б.З. Маликова, «наука может и должна успешно развиваться по всем направлениям при наличии выверенной, последовательной и стабильной социальной политики государства в области организации науки (ряд подходов в организации науки устарели либо не соответствуют произошедшим изменениям в стране)».

Многие из отвечавших задумываются о качестве самой уголовно-правовой науки. Профессор В.С. Степашин, например, горестно констатирует: «если раньше делали вид, что наука нужна, то теперь даже не пытаются. Наука на задворках, а мы обслуживаем непрофессионального законодателя, непрофессионального правоприменителя и плодим непонятно кого». Некоторые респонденты отметили необходимость повышения «качества научных исследований, аргументированности и обоснованности выводов» (профессор С.В. Полубинская) или заявили: «Стать снова наукой без всяких оговорок! Наукой, генерирующей прогрессивные идеи, ориентирован-

ные на решение реальных и перспективных задач в контексте государственного социального управления. Избавиться от наукометрии, производной от так называемой публикационной активности. Искать консенсусные решения по принципиальным вопросам, а не отстаивать каждому «свое» мнение и собственную значимость в науке, зачастую отличающиеся построением предложения, предпочтением синонима или даже знака препинания» (профессор В.С. Джатиев). Как всегда, точна профессор Т.Г. Понятовская: «Уголовно-правовая политика должна отвечать велениям времени. Уголовно-правовая наука строится на мировоззренческой базе, свободной от конъюнктуры. «Работать, как работали» нельзя: качество уголовно-правовой науки понизилось. Многие ее качественные составляющие девальвировались – методология, кругозор (чтобы не сказать «образованность»), глубина проникновения, последовательность научных и правовых позиций, масштабность задач. Без этого А, Б и Д невозможны».

Есть ответы, близкие к мечте и к идеалу, недостижимые, но очень мне симпатичные:

– «обеспечение и восстановление социального мира» (доцент Д.Г. Мороз);

– «вряд ли это возможно, и все же хотелось бы, чтобы наука уголовного права внесла посильный вклад в излечение нашего нравственно больного общества» (профессор Б.В. Яценко);

– «миссия науки – делать мир лучше. Если государство имеет такую же цель, мы совпадаем» (доцент С.В. Анощенко).

Представляется, что ни один из предложенных мной ответов на вопрос о главных задачах, стоящих ныне перед уголовно-правовой, уголовно-исполнительной и криминологической доктринами, не противоречит принципиально другому, кроме ответа по уходу в полную практикоориентированность науки. Наука не может и не должна превращаться

в «служанку» правоприменения, даже в самых благих целях.

Я бы только разделила главные задачи на те, которые должны решаться постоянно, являются, по сути, рабочими, и те, которые ориентированы на будущее. К первой группе задач я отношу необходимость продолжения всего того, чем наука и занимается (это варианты Г и Д). Вторая группа включает в себя перспективные задачи, которые требуют больших временных и иных затрат, а иногда – определенности в той реальной обстановке, которая существует (варианты А и Б). Над ними нужно работать уже сейчас.

Закончить я бы хотела словами профессора В.И. Михайлова: «Короче: предмет приложения усилий имеется. Надо только организовать». И здесь роль личности, лидера переоценить невозможно. П.В. Крашенинников пишет о крупнейшем ученом в области частного права – А.Л. Маковском: «Сегодня, когда Александр Львович Маковский все дальше уходит от нас в Историю, мы отчетливо понимаем его роль как узлового звена в цепочке преемственности правоведов-деятели, которые создали российское дореволюционное частное право, уберегли его от полного разрушения в годы советской власти и возродили для новой России. В Истории встречается множество перекрестков, на которых приходится выбирать направление дальнейшего движения. Тех, кто выбрал верное направление для достижения намеченной цели и достиг ее, обычно называют историческими личностями. Оказавшись на таком перекрестке истории развития отечественного частного права, Александр Львович не только выбрал верное направление, но и сумел стать одним из организаторов движения к современному гражданскому законодательству» [5, с. 21]. Уголовно-правовой и криминологической доктрине сейчас очень нужен такой лидер. Хотя бы, чтобы видеть наши горизонты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ершова И.В. Заведующий кафедрой как триада ипостасей: менеджер, преподаватель, научный работник / И.В. Ершова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9. – С. 174–187.
2. Бибикова А.В. Базовые черты личности и реализация механизма самоактуализации как основа понимания феномена лидерства в творческих (исполнительских) коллективах / А.В. Бибикова // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2 (45). – С. 317–319.

REFERENCES

1. Ershova I.V. Head of Department as a Capacity Triad: Manager, Teacher, Researcher. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 9, pp. 174–187. (In Russian).
2. Bibikova A.V. The basic traits of personality and the mechanism of self-realization as a basis for understanding the phenomenon of leadership in creative (performing) groups. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*, 2014, no. 2 (45), pp. 317–319. (In Russian).

3. Лазарев В.В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 5–19.

4. Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) / В.В. Лазарев // Lex Russica. – 2013. – № 2. – С. 181–191.

5. Крашенинников П.В. На перекрестке истории отечественного частного права / П.В. Крашенинников // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др. ; отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2020. – С. 10–21.

3. Lazarev V.V. Legal science in the light of the prospects of digitalization. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 5–19. (In Russian).

4. Lazarev V.V. Legal science: current state, challenges and perspectives (theoretical thoughts). *Lex Russica*, 2013, no. 2, pp. 181–191. (In Russian).

5. Krashennnikov P.V. At the crossroads of the history of national private law. *Arkhipova A.G., Asoskov A.V., Bezbakh V.V. et al.; Vitryansky V.V., Sukhanov E.A. (eds.). Civil law of the welfare state: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A.L. Makovsky (1930–2020)*. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 10–21. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лопашенко Наталья Александровна – доктор юридических наук, профессор, почетный работник Министерства образования РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lopashenko Natalya Alexandrovna – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Ministry of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal and Penal Law.

Статья поступила в редакцию 02.06.2023; одобрена после рецензирования 15.06.2023; принята к публикации 18.06.2023. The article was submitted 02.06.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 18.06.2023.